Илья Муромец и его сын Сокольник

По утру-де, утру было ранному,
На восходе было красном солнышки,
Выходил-то старой да вон на улицу,
Брал он трубоньку подзорную,
Здрел-смотрел да на все стороны,
Слушал ушми да богатырськима:
Под той сторонушкой под западной
Едет невежа потешаицця,
Небылыма он словами похваляицця,
На поéзде он стрелоцьку постреливат,
На полéтике стрелоцьку подхватыват,
Впереéди его бéжит серой волк,
Позади его бежит большия пёс,
На правом плеци да блад ясен сокол,
На левом плеци — сизой орёл.
Небылыма он словами похваляицця:
«Я зайду-заеду в стольный Киев-град —
Соборны церьквы все — конюшнами,
Чудны образа во грезь стопцю,
Самого князя голову срублю,
Саму княгинушку с собой возьму!»
Зашел-то старой нонь во бел шатёр,
Будил он Олешиньку Поповиця:
«Ставай-ко, Олёшинька, скорешинько,
Умывайся, Олёшинька, белешинько,
Обтирайсе, Олёшинька, сушешенько».
Будил он Микитушку Добрынюшку:
«Ставай-ко, Микитушка, скорешенько,
Оммывайся, Микитушка, белешенько,
Обтирайсе, Микитушка, сушешинько —
Под той сторонушкой под западной
Едет невежа потешаицця.
Небылыма он словами похваляетца:
„Я зайду-заеду в стольный Киев-град —
Соборны церьквы все — конюшнами,

Чудны образа во грязь стопцю,
Самого князя голову срублю,
Саму княгинушку с собой возьму!“»
Седлал-уздал Микита коня доброго,
Подстегивал он двенадцеть подпругов,
Тринадцату степ да лошадиную,
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил молодца да в поли добрый конь
Серым волкам да на съеденьицё,
Черным воронёнкам на граеньё.
Не видали отправки молодецькоей,
Не видали поездки богатырськоей,
Только видят: во поли курева идет,
Курева идет, да дым столбом валит.
Наганивал невежу во чистом поли,
Стал выспрашивать роду-племени:
«Ты коéго, молодець, да роду-племени,
Ты коéго, молодець, да отця-матери,
Как тя, мóлодца, да именем зовут?»
Тут от невежи ответу нет.
Другой раз Микитушка выспрашивал:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Тут от невежи ответу нет.
И третий раз Микитушка выспрашивал:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери?»
Заревел невежа большим голосом —
У Микиты конь в окораць пошел,
Оттуль Микита поворот даёт.
Глядит старой да во чисто полё:
Едет Микита не по-старому,
Едет Микита не по-прежному.
Звыл старой и заплакал тут:
«Винно, старому мне замены нет,
Нету старому да великоей».
Седлал-уздал старой да коня доброго,
Подстегивал он двенаццеть подпругов,

Тринадцату степ да лошадиную
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил молодца да в поли добрый конь
Серым волкам да на съеденьицё,
Черным воронёнкам на граеньё.
Наганивал невежу во чистом поли,
Говорит-то старой да таково слово:
«Що ты, ворона, рострепаласе,
Що ты, пустопера, рострепескаласе,
Небылыма ты словами похваляисся?»
Хватали они колья ноньце вострые —
По насадкам копья извернулисе.
Некоторый некоторого не ранили,
Некоторой некоторого не окровавали.
Хватали они сабельки нонь вострые —
По насадкам сабельки свернулисе.
Некоторой некоторого не ранили,
Некоторый некоторого не окровавали.
Хватали они палици буёвые —
По насадкам палици свернулисе.
Некоторой некоторого не ранили,
Некоторой некоторого не окровавили.
Соскакивали они да с добрых коней,
Хватались они во мятоцьку,
Бились-боролись трои сутоцьки.
По великому старого по бесчастьицу
Права нога да прокатиласе,
Лева рука да прокольздиласе,
Пал старой на сыру землю.
Садилса Сокольник на белы груди,
Розрывал его пуговки серебрены,
Вымал чинжалишшо-булатен нож,
Ладит пороть его белы груди.
Подумал старой да Илья Муромець:
«Стоял я за веру за крешченую,
Стоял я за церькви соборные,
Стоял за младенцей троедённыих —
Выдала присвета Богородиця
Поганому Издолишчу на граеньё».

Прибыло старому тут силоньки,
Не вдвое, не втрое — силы впетеро.
Смахнул невежу со белых грудей,
Садилса Сокольнику на черны груди,
Розрывал его пуговки серебрены,
Вымал чинжалишчо-булатен нож,
Ладит пороть его черны груди.
Увидел он Сокольника на правой руки,
На правой руки — старого именно кольцё —
Остаялась у старого рука правая.
Стал он спрашивать роду-племени:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?» —
«Сидел я у тя на белых грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
Не спрашивал ни отця, ни матери».
Другой раз старой нынь выспрашивал:
«Коего, молодець, да роду-племени,
Коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?» —
«Сидел я у тя на белых грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
Не спрашивал ни отця, ни матери».
Третей раз старой выспрашиват:
«Коего, молодець, да роду-племени,
Коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Сказал он старому Ильи Муромцю:
«Из того же я, говорит, города,
Той же матушки Паленги».
Ставал старой да на резвы ноги,
Брал его да за белы руки,
Говорит старой да таково слово:
«Ой есь, мой сын Сокольничек!
С твоей матушкой я жил триццет лет.
Поедем, Сокольник, ко мне на за́ставу,
На заставу ко мне попить-поись». —
«Не еду я к тебе на за́ставу».

Второй раз старой выспрашивал:
«Поедем, мой сын Сокольничёк,
На заставу ко мне попить-поись!» —
«На заставу ехать мне-ка время нет».
Третье́й раз старой его выспрашивал:
«Поедем, мой сын Сокольничёк,
На заставу ко мне попить-поись!»
Говорит-то его Сокольничёк:
«Ехать мне к вам — время нет».
Розъеждались удалы добры молодцы.
Приезжат Сокольник к родной матери,
Стрецяла его мати родимая:
«Где ты был, мое да цядо милое?»
Говорит Сокольник таково слово:
«Ой есь, моя мати родимая!
Старой тебя зовет бледью, меня — выбледком».
Говорит она да таково слово:
«Не пустым, дитя, он похваляицца».
Соскоцил Сокольник со добра коня,
На одну ногу стал, о другу розорвал.
Скоцил он нонь на добра коня,
Оттуль Сокольник поворот дает.
Приеждат к старому к белу шатру,
Соскоцил Сокольник со добра коня,
Скоцил старому в белой шатёр —
Спит старой да крепко-накрепко.
Схватил Сокольник копье вострое,
Ткнул старому во белы груди.
По великому старого по счастьицу
Попало старому в чуден крест,
Толшчина креста — аршин была,
Долина креста — коса сажень,
Зашло копье да до полу-креста.
Соскоцил-то старой да на резвы ноги,
Схватил Сокольника за черны кудри,
Подымал он его выше буйной гловы,
Опустил он его о сыру землю,
Придал он его смерти лютоей.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.